

познакомил нас с ужасающей реальностью и серьезностью войны. Нет, он не принес тела и не положил их к нашему порогу или вдоль улицы, но сделал нечто подобное. На двери его галереи висит небольшая афиша «Мертвые Энтъетама». Толпы людей постоянно приходят в галерею. Может показаться, что столь ужасные образы оттолкнут публику. Но напротив, они обладают зловещей притягательностью. Вы можете видеть группы посетителей, в благоговейной тишине склоняющихся к этим роковым свидетельствам человеческой жестокости, чтобы поближе рассмотреть бледные лица мертвых. Они заворожены гипнотическими взглядами мертвецов» [13; 7].

Фотографии показали гражданскому населению реальное лицо войны, грязь, кровь, страдания. И все же достоверность снимков иногда была сомнительной, поскольку уже в то время существовала техника фотомонтажа. Здесь стоит упомянуть знаменитую конную фотографию генерала Гранта, созданную из трех различных фотографий. Голова взята с его портрета 1864 г., где Грант запечатлен, стоящим рядом с деревом в Колд-Харборе (Вирджиния). Лошадь и тело всадника были позаимствованы с фотографии генерал-майора Александра Мак Кука, сделанной в июле 1864 г. А обстановку палаточного лагеря (частично) можно найти на фотографии 1864 года, на сняты пленные конфедерации, захваченные в битве при Фишерс-Хилл (Вирджиния), и помещенные под охрану янки. В настоящее время фотография хранится в коллекции библиотеки Конгресса [11].

Также в этом плане любопытна фотография группы генералов-северян, сделанная в Вашингтоне в 1865 г. Поскольку во время съемки отсутствовал довольно известный генерал Ф. Блэр, его сфотографировали позже и затем изображение добавили в общий снимок [12].

Фотографии Гражданской войны в США представляют собой ценнейший источник, позволяющий зримо представить реалии этого военного конфликта, по существу, в полном объеме создать ее фотолетопись.

1. Барт, Р. Camera lucida / Р. Барт. – М. : Ad Marginem, 1997. – 223 с.
2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. – М. : Искусство, 1996. – 239 с.
3. Григорьева, И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки : учебное пособие / И. В. Григорьева. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 287 с.
4. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. : в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 46. – С. 95–108.
5. Нуркова, В. В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ / В. В. Нуркова. – М. : Юрайт, 2019. – 473 с.
6. Сиренов, А. В. Источниковедение : учебное пособие / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин. – М. : Юрайт, 2015 – 396 с.
7. Толкачева, И. Фоторепортаж XIX века: две войны [Electronic resource] / И. Толкачева. – Режим доступа: <https://www.photographer.ru/cult/history/750.htm>. – Дата доступа: 1.03.2021.
8. A harvest of death, Gettysburg, Pennsylvania / negative by T. H. O'Sullivan ; positive by A Gardner [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/resource/cph.3c37392>. – Date of access: 20.02.2021.
9. Frassanito, W. Gettysburg: A Journey in Time / W. Frassanito. – N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1975. – 250 p.
10. Gardner, A. Gardner's Photographic Sketch Book of the War : in 2 vol. / A. Gardner. – Washington : Philp & Solomons, 1865–1866.
11. General Grant at City Point [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/pictures/item/2007681056>. – Date of access: 21.02.2021.
12. General-Sherman-is-seen-posing-with-his-Generals. -General-Francis-P. -Blair-far-right-was-added-to-the-original-photograph-c. 1865 [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.nuncalosalabre.com/fotomanipulacion-1865-1976>. – Date of access: 25.02.2021.
13. New York Times. – 20 Oct. – 1862.
14. Panzer, M. Mathew Brady and the Image of History / M. Panzer. – Washington : Smithsonian Books, 1997. – 232 p.
15. Prints & Photographs Online Catalog [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/pictures/collection/civwar>. – Date of access: 18.02.2021.
16. Sullivan, G. In the Wake of Battle: The Civil War Images of Mathew Brady / G. Sullivan. – N. Y. : Prestel Pub, 2004. – 448 p.
17. Wilson, R. Mathew Brady: Portraits of a Nation / R. Wilson. – L. : Bloomsbury, 2013. – 288 p.

Рыжко Т. И.

МАТЕРИАЛЫ НИАБ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ПРИХОДСКОМ ПРАВОСЛАВНОМ ДУХОВЕНСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Изучение жизни приходского православного духовенства второй половины XIX века требует обращения к разнообразным источникам информации: исследованиям, периодической печати, мемуарной литературе и т. д. Важнейшими среди них являются исторические источники. Архивные документы содержат богатый материал, освещающий разные стороны жизни приходского духовенства на белорусских землях. Для исследования был выбран 136 фонд Национального исторического архива Беларуси, содержащий документы по деятельности Минской духовной право-

славной консистории Синода, как наиболее информативный в этом вопросе¹ [35, с. 86]. Духовные консистории являлись органом епархиального управления в Русской православной церкви синодального периода (1700–1917) и находились под началом епархиального архиерея. Занимались вопросами охранения веры и распространения православия, контролировали деятельность духовенства, состояние приходов, строительство, хозяйство и финансы церквей и монастырей. Осуществляли епархиальный суд как над духовенством, так и над светскими лицами [34, с. 392–394].

Полученный в ходе исследования документальный материал можно разделить на несколько тематических групп. Отдельно обращают на себя внимание довольно многочисленные дела о дьячках. Из рассмотренных 165 дел 45 содержат разбирательства жалоб в их отношении. Дьячками или причетниками (от слова *причит*) в XIX веке называли церковнослужителей, не имеющих степени священства, не являющихся священнослужителями, но помогающих в совершении богослужения в качестве псаломщиков и пономарей, которые иногда занимались обучением детей грамоте и молитвам. В синодальную эпоху дьячки причислялись к духовенству [34, с. 374]. Фактически все рассмотренные документы характеризуют приходских дьячков с отрицательной стороны. Так из общего количества рассмотренных дел 19 (более 40%) свидетельствуют о пьянстве и нерадении по службе. «Дело об исключении дьячка Копаткевичской Покровской церкви Минского у. Ф. Конопасевича из духовного звания за пьянство и нерадение по службе» [2]. Еще 7 дел (около 15%) рассматривает нанесение побоев дьячками. Например: «Дело по жалобе священника Очижской Ризоположенской церкви Игуменского у. И. Малевича на нанесение ему побоев дьячком этой церкви С. Свириком» [3]. Следующим по количеству найденных дел является упоминание об аморальном образе жизни: 3 дела. Например: «Дело об исключении из духовного звания дьячка Вызенской церкви Слуцкого у. В. Крониковского и дочери священника О. Еремич за ведение аморального образа жизни» [4]. Дел, рассматривающих нанесение оскорблений со стороны дьячков, найдено 3. Например: «Дело по жалобе священника Янушковичской Рождество-Богородицкой церкви Борисовского у. И. Прокоповича на нанесение ему оскорблений дьячком этой церкви К. Радзивиловичем» [5]. Три дела, свидетельствующие о напряженных отношениях с крестьянами. Например: «Дело по жалобам крестьян д. Белое Пинского у. на захват дьячком Бельской Михайловской церкви В. Тарановичем их участков земли, принуждение работать на себя за обучение их детей, вымогательство денег и др.» [6]. Все остальные упоминания, характеризующие личные и служебные качества дьячков, имеют единичный характер. Например, дела об отказе от обучения детей по разным причинам: «Дело по обвинению дьячка Лунинецкой церкви Пинского у. Т. Сулковского в уклонении от обучения детей прихожан повседневным молитвам, вымогательстве» [7]. Или дело об отказе дьячка обучать крестьянских детей грамоте в связи с малограмотностью [8].

Следующая группа – это дела о приходских священнослужителях: священниках и дьяконах. В отличие от дьячка дьяконы являются священнослужителями, они участвуют в совершении богослужения, но таинства не совершают. Большинство дел о священнослужителях так же характеризует их личные качества не с лучшей стороны. Из рассмотренных 120 дел 15 дел (около 14%) свидетельствуют о нерадении священнослужителей по службе. Например: «Дело по жалобе помещика И. Солтана на нерадение по службе священника Горковской Никольской церкви Бобруйского у. К. Василевского, жестокое обращение с крестьянами, вымогательство денег» [9]. Следующими по количеству (11 дел около 10 %) идут дела о нанесении побоев: «Дело по жалобе жены рекрута Е. Бояриновой на нанесение ей побоев священником Язвинской Преображенской церкви Пинского у. Б. Дешковским» [10]. Эти две характеристики: нерадение по службе и нанесение побоев, – наиболее часто встречаются среди дел, характеризующих как дьячков, так и священников и дьяконов.

Далее можно выделить дела о пьянстве (12 дел 10%) и аморальном образе жизни и «неподобающих поступках» (10 дел около 9%). Например: «Дело о пьянстве священника Гливинской церкви Борисовского у. И. Любинского» [11] и «Дело о ведении аморального образа жизни священником Белоручской церкви Минского у. А. Сомковичем» [12]. Два дела об обременении крестьян работами [13, 14] и дело по жалобе «прихожан Пышачской церкви Борисовского у. на захват крестьянского сенокоса, неуплату крестьянам за службу, нанесение им побоев и отказ от исполнения треб священником С. Крониковским» [15]. Стоит отметить, что иногда причиной отказа выполнения треб было неготовность со стороны крестьян. Об этом свидетельствует дело о неисполнении треб из-за пьянства крестьян [16].

Далее следуют дела, рассматривающие денежные вопросы. Дело о вымогательстве денег: «Дело по жалобе крестьян Несвижской Преображенской церкви Слуцкого у. на вымогательство денег священником И. Москалевичем» [17]. Дело о присвоении церковных денег: «Дело по обвине-

¹ 136 фонд НИАБ, содержащий документы по деятельности Минской духовной консистории, включает в себя 45539 дел и охватывает период с 1724 по 1920 гг. Для раскрытия указанной темы исследования информативными являются тома 9–13 описи 1 фонда 136. В данной работе рассмотрены дела из тома 9 описи 1 фонда 136.

нию священника Несвижской Преображенской соборной церкви Слуцкого у. И. Москалевича в злоупотреблении по службе и присвоении церковных денег» [18]. Ряд дел (13 около 11% от общего количества) рассматривающих денежные претензии со стороны мирян к священникам и дьяконам и между священнослужителями [Например: 19, 20, 21, 22, 23, 24].

Материальное положение сельского духовенства было тяжелым. Городские приходы традиционно жили более обеспеченно. С 1861 года материальное обеспечение священства ухудшилось. В связи с проводимыми реформами Святейший Синод передал все денежные накопления в Государственное казначейство и лишился средств на обеспечение пенсий и пособий духовенству. Кроме того, приходы наделялись пахотной и усадебной землей. Однако эти наделы могли быть разными даже внутри одной губернии. Доходов от земли на содержание духовенства, как правило, не хватало, это признавалось и самим правительством. В своих доходах священство зависело от прихожан, которые не всегда могли и не всегда хотели обеспечивать священство. Это приводило к озлобленности священников на прихожан [см. 1]. Далее можно выделить ряд дел, прямо или косвенно свидетельствующих о материальных трудностях, испытываемых священнослужителями. Например: «Дело по рапорту Велемичского благочинного Мозырского у. С. Корженевского об отказе прихожан некоторых церквей благочиния удовлетворять священнослужителей и церковнослужителей положенным по проекту содержанием и нежеланием их платить за исполнение треб» [25]. Или дело «по обвинению священника Тумиловичской церкви Борисовского у. А. Высоцкого в порубке леса помещицы К. Пржесмицкой» [26]. Вероятно, в эту группу можно отнести 6 дел по обвинению священнослужителей в увеличении платы за требы: «Дело по обвинению священника Беседской церкви Речицкого у. В. Шахновича в увеличении платы за исполнение треб» [27] или «Дело по обвинению священника Белосельской Михайловской церкви Пинского уезда П. Шелютина в увеличении платы за исполнение треб» [28].

Кроме документов, характеризующих моральные качества священнослужителей, изредка встречаются дела, свидетельствующие об их общественной активности. Среди рассмотренных дел к таким можно отнести всего 5: «Дело по обвинению протоиерея Новогрудского собора И. Есьмановича в высказывании критических замечаний в адрес Минского приказа общественного призрения» [29] или «Дело по обвинению священника Рудзицкой церкви Минского у. М. Волочковича в подстрекательстве крестьян им. Микулич к неповиновению администрации имения» [30]. Интересно появление дел в связи с событиями восстания 1863 года. Например: «Дело по обвинению протоиерея Гребенской церкви Игуменского уезда Н. Лойко в чтении прихожанам манифеста участников восстания 1863 г., оказание им помощи продуктами и т. д.» [31]. Такого рода дела требуют отдельного рассмотрения и оценки.

Некоторое количество дел (11) среди рассмотренного материала содержит документы о наградах и благодарностях священно и церковнослужителям. Например: «Отношение архиепископа Михаила от 9 февраля 1860 г. об объявлении благодарности дьякону Завшичской церкви Слуцкого у. за обучение детей грамоте» [32]. Сведения о награждениях и поощрениях священнослужителей в большем объеме представлены на страницах других исторических документов. Например, в епархиальных ведомостях, активно издававшихся на территории белорусских губерний с 60-х гг. XIX в.

В результате проведенного небольшого исследования в самых общих чертах сложился коллективный портрет приходского православного духовенства на белорусских землях во второй половине XIX века. И портрет этот не слишком привлекателен и несколько односторонен: приходские священно и церковнослужители небрежно относились к своим священническим обязанностям, позволяли себе рукоприкладство, вымогали деньги за исполнение треб, злоупотребляли спиртным, потребительски относились к приходским крестьянам, были плохо материально обеспечены. Возможно причиной такого большого количества дел, отрицательно характеризующих приходское духовенство, явилось то, что Минская духовная консистория занималась решением спорных, проблемных, острых ситуаций, возникающих в среде духовного сословия, а не отсутствие достойных священно и церковнослужителей. Кроме того, фигурантам нескольких дел иногда становился один и тот же человек [17; 18]. Для составления более точного портрета приходского православного духовенства сведения, полученные из архивных документов, необходимо дополнить сведениями из других исторических источников. Например, из епархиальных ведомостей, из биографий и воспоминаний священнослужителей XIX века или их мирских современников. Каждый из этих источников поодиночке не может объективно и в полноте отразить историческую реальность. В своем диссертационном исследовании при помощи просопографического метода исследования мы планируем выяснить, насколько широко были распространены указанные черты и качества приходского православного священства на белорусских землях во второй половине XIX века.

1. Белякова, Н. А. Материальное положение приходского духовенства во второй половине XIX века / Н. А. Белякова // Приход. Православный экономический вестник. М.: Синергия-пресс. – 2004. – № 2. – С. 44–47.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28757. Л. 6.

3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28761. Л. 6.
4. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28769. Л. 7.
5. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29250. Л. 43.
6. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29374. Л. 53.
7. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29185. Л. 39.
8. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29117. Л. 34.
9. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29340. Л. 50.
10. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28779. Л. 8.
11. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29239. Л. 43.
12. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29311а. Л. 48.
13. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28768. Л. 7.
14. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28791. Л. 9.
15. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28790. Л. 9.
16. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28907. Л. 18.
17. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29223. Л. 41.
18. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29420. Л. 56.
19. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28950. Л. 21.
20. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28988. Л. 24.
21. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28989. Л. 24.
22. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29116. Л. 34.
23. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29226. Л. 42.
24. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29484. Л. 61.
25. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29019. Л. 27.
26. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29011. Л. 26.
27. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28782. Л. 8.
28. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29335. Л. 50.
29. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29353. Л. 51.
30. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29437. Л. 58.
31. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 30762. Л. 178.
32. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28770. Л. 7.
33. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28992. Л. 25.
34. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2007. – Т. XVI. – 752 с.
35. Фонды Национального исторического архива Беларуси : справочник / сост.: Г. Е. Акулович [и др.] – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 86 с.

Семенчук К. А.

МЕМУАРЫ КАК ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МИССИОНЕРСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ)

Исследование мемуарной литературы в значительной степени актуализирует проблему опыта субъекта исторического познания («опыта истории» и «опыта историка»). Хотя данная проблема поднималась еще в ходе дискуссий начала 1990-х гг., спровоцированных «лингвистическим поворотом в истории», и уже в середине 2000-х гг. некоторые исследователи могли констатировать, что феномен опыта истории: «достаточно исследован как на субстратном, так и на концептуальном уровнях в разных философско-исторических традициях» однако «весь спектр его значений не выявлен до конца» [3, с. 116], в целом таковой ситуация продолжает оставаться и на сегодняшний день. Для данного исследования важен вопрос о том, в какой степени мемуары отражают непосредственный опыт прошлого, возможно ли получить адекватные суждения о нем на их основании? Будет ли это исследованием чего-то иного, нежели «исторической памяти» сообщества или характера бытования исторических нарративов? Данные вопросы мы рассмотрим на примере миссионерского исторического нарратива, сформированного в рамках дальневосточной епархиальной печати рубежа XIX–XX вв. и являвшегося важной частью региональной и корпоративной идентичности дальневосточного духовенства.

Исследование основывается на воспоминаниях, исторических статьях и заметках, опубликованных на страницах Камчатских и Благовещенских епархиальных ведомостей в 1894–1901 гг. Эти разрозненные публикации охватывают период с XVII в., тем не менее, могут быть рассмотрены как единое повествование, поскольку несмотря на принадлежность авторов к разным возрастным поколениям, несходство их профессиональных и жизненных опытов, отличия в уровне образованности – все они являлись проводниками власти России на азиатской окраине и действовали в рамках единого культурного поля, которое в значительной степени и предопределило единообразие их взглядов.

Формирование местного «ведомственного» исторического нарратива началось на этапе перехода от культурного закрепления региона к его имперскому поглощению. В таких обстоятельствах осмысление событий недавнего прошлого значительно актуализировалось. Свой вариант